

Род Щаповых, представители которого известны в XX веке в Москве, Петербурге, Ярославле, Саратове и других городах Европейской России, ведет свое начало из города Ростова Великого, некогда крупного сельскохозяйственного, торгового и культурного центра, ныне – города Ярославской области, обладающего знаменитыми памятниками архитектуры, которые входят в музей-заповедник.

Щаповы в Ростове известны с XVII в., они упоминаются в переписных книгах 1646 г.¹, 1678 г.², второй половины 1670-х годов³, 1691 г.⁴, 1709 г.⁵, второй ревизии 1749 г.⁶, в «Росписном списке», составленном при передаче города Ростова новому воеводе 1662 г.⁷, в двух Синодиках ростовского Успенского собора 1652-1691 гг. и середины XVIII в.⁸, в архивных документах XVIII в. С начала XIX в. от различных линий рода Щаповых сохранились семейные документы – письма, купчие, хозяйственные записи.

Особенностью ранних упоминаний ростовских Щаповых XVII в. является то, что большую часть носителей этой фамилии (прозвища) можно объединить в один род, так как по прямым или косвенным свидетельствам они принадлежат к семейным группам, и на этом основании выстроить генеалогические линии⁹.

Фамилия Щапов происходит от старых русских слов: прозвища «щап», что значило «франт», «щеголь», «щापить» – «стремиться выглядеть лучше, чем на самом деле», «щাপливый, щапистый» – «щеголеватый»¹⁰. В.И. Даль приводит несколько пословиц с этими словами, среди которых «Передом щапит, а затылок вши выели»¹¹, следовательно, во-первых, как большинство прозвищ, оно давалось не без насмешки. Об этом свидетельствует и существующая фамилия Голощапов. Во-вторых, это слово активно употреблялось еще в первой половине XIX в., но к концу его оказалось вытесненным другими. Люди с соответствующим характером встречались нередко, поэтому разные носители этой фамилии не обязательно должны были быть родственниками, но до XX века получали такое прозвище в разных местах и в разное время независимо друг от друга. В 1646 г. перепись в Ростове вели представители государственной власти: «Микифор Юрьевич Плещеев да подьячий Кипреян Щапов»¹². Других данных об этом Щапове нет. Хотя среди торгового населения Ростова в это время уже встречаются Щаповы и даже, как будет показано далее, хорошо известен Киприян Щапов, у нас нет данных для отождествления «сокольего помытчика» с подьячим, выполнявшим государственные функции.

Первая, самая многочисленная и интересная группа упоминаний содержится в ростовских переписных книгах XVII в. Так, в переписи торговых рядов 1691 г., в сапожном ряду, по правой стороне от церкви Рождества Христова, значится «лавка соколя помытчика Киприяна Щапова», который владеет ею по купчей 157 (=1649) г., написанной на имя «ростовца посадского человека Богдана Щапова»¹³.

В москательном и калачном ряду упомянуты «две полулавки» того же «соколя помытчика Киприана Щапова с племянники: с Микитою, да с Феодором», которые владеют по купчей с 164 (=1656) г. В том же ряду названы «пол-лавки соколя помытчика Микиты Щапова», который владеет ею по купчей того же 1656 г. В том же ряду названы «пол-лавки с получвертью» (то есть 5/8 лавки) «соколя помытчика Микиты Щапова», который владеет этой недвижимостью по купчей 151 (=1643) г., которая «писана на имя Богдана Масленникова»¹⁴.

В солодяном ряду названа «лавка на вымле¹⁵ Сергиевские жены Щапова, вдовы Дарьи», которая владеет ею по купчей 154 (=1654) г., писанной «на имя Киприяна Щапова»¹⁶. Напротив рядов, где «стоят лавки, и шалаши, и полки, и скамьи, и сундуки» располагались «пол-лавки» Алексея Дьяконова, который владеет этой половиной купчей с 154 (=1646) г., «а купчая писана на имя Богдана Щапова», а «оброк платил по государеве грамоте 136 (=1628) года»¹⁷. Там же упомянуты «полторы скамьи Микиты Щапова», который владеет ими по

купчей с 177 (=1669) г.¹⁸ и лавка «соколя помытчика Киприана Щапова», который владеет ею по купчей «племянника Степана Латышева», а прежде это место дано было в 1637 г. крестьянину Богоявленского монастыря Василию Пугвишникову¹⁹.

Таким образом, по переписи 1691 г. Щаповы владели лавками в различных рядах городского посада, причем несомненно их родство между собой. Указания на имена покупателей лавок (владельцев купчих) первой половины и середины XVII в. позволяют установить наследственные связи с ними владельцев конца века. Документы 1628, 1643, 1646 и 1649 гг. связаны с именем посадского человека Богдана Масленникова-Щапова, по его купчим владели лавками в 1691 г. Киприан Щапов, Никита Щапов и Алексей Дьяконов, несомненно бывшие потомками последнего.

По купчей Киприана Щапова 1654 г. владела лавкой Дарья Щапова, вдова Сергея, скорее всего – сноха Киприана. По купчей своего племянника Степана Латышева владел лавкой Киприан Щапов.

Вероятно, по собственным купчим владели лавками с 1656 г. Киприан Щапов с племянниками Никитой и Федором, по купчей того же года тот же Никита, по купчей 1669 г. – вновь Никита Щапов.

Другая группа сведений относится не к торговым предприятиям, а к жилым дворам Щаповых. В Переписных книгах 1678 г. «внутри города на выморочных дворовых и огородных местах на посадских и тяглых землях» значатся «дворы-ж ростовских сокольных помытчиков; в прошлых годах отцы их и они, сокольи помытчики, и их дворы были посадские тяглые, а ныне они с тех дворов в Земскую избу податей никаких не платят». Здесь названы: «во дворе – Киприан Кондратьев сын Щапов, да племянник его Никита Тереньев», «да на посадской земле, на Семеновском месте Кондратьева сына Щапова, двор соколя-ж помытчика Петра Федорова сына Шестакова...»²⁰. В принадлежащих тому же времени Переписных книгах второй половины 1670-х годов в «Десятне Покровской» (по церкви Покрова Богородицы) говорится о таких новых владельцах старых выморочных дворов: «Двор Вторушки, да Бориска, да Самсонка Ивакиных..., а ныне на том месте живут ростовские сокольи помытчики Киприан Кондратьев сын да Никита Тереньев сын, новое прозвище Щаповы, а по писцовой посацкой книге Масленниковы». По той же переписи Киприан владел бывшим местом «Васки Григорьева». «И про Васку посацкие люди сказали, что его не стало лет с 20, жены и детей не осталось, место пусто; а ныне то место за сокольим помытчиком за Киприаном Щаповым, пашет пустошь, что слово Биричева»²¹. В Переписных книгах 1691 г. упомянуты также «сенокосные пустоши на соколье помытчике, на Киприане Щапове»²².

В документах XVII-XVIII вв. Щаповы названы «сокольими помытчиками». Это редкая сословная группа, связанная со службой царскому двору, за которую они были освобождены от тягла – податей за землю. В исторических словарях слова «помытчик» не найти. В словарях русского языка помытчик толкуется как участник соколиной охоты или обучающий соколов охоте. В.И. Даль обозначает «помытчика» как «помыкальщика, соколятника, напускающего ловчую птицу, натравливающего ее», и связывает его со словом «помыкать» – подстрекать, поощрять, травить; приучать и напускать» ловчую птицу и вместе с тем со словом «пмыть» – напуск ловчих соколов на добычу²³. В новейшем Словаре русского языка XI-XVII вв. помытчик также обозначается как «тот, кто добывает и обучает ловчих птиц для охоты на промысловую птицу»²⁴.

Судя по ростовским писцовым книгам, это было городское население, свободное от податей на землю, но обязанное снабжать царский двор ловчими соколами, употреблявшимися для соколиной охоты. Вероятно они должны были также учить, тренировать соколов для охоты, чем они отличались от сокольников, просто снабжавших царский двор соколами, о которых ниже.

Сокольи помытчики имели лавки на городском торгу, причем в разных рядах, и торговали самым разным товаром, но за лавки они платили подати. Эта сословная группа появилась в Ростове в середине XVII в., когда часть тяглого населения была переведена в сокольи помытчики: «в прошлых годах отцы их и они, сокольи помытчики и их дворы, были посадские тяглые, а ныне они с тех дворов в Земскую избу податей никаких не платят» (перепись 1678 г.)²⁵.

Наряду с «сокольими помытчиками, с начала XVII в., в Ростове существовала «слободка Сокольничья», которая снабжала царский двор ловчими птицами, к 1619 г. она оказалась сильно разоренной: «Да в Ростове-ж на посаде слободка Рыболовская, ...да слободка Сокольничья, а в ней было в живущем четыре дворишка с полудворишком, да шесть мест с полуместом пустых же, приписаны к посаду же, а оброки де всякие с тех слободок посадские люди платили на Москве на Дворец...»²⁶. В Переписной книге 1646 г. упоминается «в Ростовеж на посаде государева дворцовая Сокольничья слободка, и та слободка писана в дворцовых книгах»²⁷, так что в посадских книгах жители этой слободки не названы. Ростовское озеро Неро со его болотистыми берегами было, вероятно, привольем для дикой птицы, и здесь происходил и отлов соколов, и их обучение охоте²⁸. Похоже на то, что сокольники платили соколами не каждый отдельно, а от всей слободки вместе: в 1619 г. «с Сокольничьей де слободки платили по пяти соколов на год, а коли де соколам не род, и они платили за соколы деньгами по рублю за сокол»²⁹.

О том, что «помытчики» охотничьих птиц и «сокольники» – не одно и то же, свидетельствует также текст из «Расходной росписи жалования» на 1681 г.: «во селе Павловском двух человек сокольников велено поселить на пашню в тягло, а тетеревиному помытчику отвесь земли, а жалованья им не давать»³⁰.

По ростовским писцовым книгам можно проследить, как в XVII в. в условиях большого города появляется новая фамилия его жителей и сменяется их старое прозвище (фамилия) на новое³¹. Первый зафиксированный документами владелец лавок в городском посаде, Богдан, в купчих 1643 г. значится как Масленников, а в купчих 1646 г. как Щапов. Относительно наследовавших эти лавки вместе с купчими на них сокольих помытчиков Киприяна Кондратьева сына и его племянника Никиты Терентьева сына, сказано, что их «новое прозвище Щаповы, а по писцовой посацкой книге – Масленниковы»³². Таким образом, в середине XVII в., почти одновременно с переходом посадских в новое сословие сокольих помытчиков происходит и изменение их фамилии: прежние потомки торговца маслом вероятно из-за особенностей своего характера и внешнего вида приобрели новое прозвище, ставшее их наследственной фамилией, причем это касалось не одного человека, того же Богдана, а сразу целой семьи – включая скорее всего его сына и племянника. Фамилия Масленниковых также известна в ростовских писцовых книгах: так, в той же Покровской десятне по книге 1670-х годов значится «дворишко бобыля Гришки Иванова сына Масленникова..., торгует маслом конопляным...»³³.

Поиски происхождения Щаповых в Ростове привели автора первой работы по их истории, Н.М. Щапова, к предположению, что Щаповы переселились в Ростов с юга, уже будучи носителями этой фамилии³⁴. Уникальная запись в книгах 1691 г. о смене фамилии Масленниковы на Щаповы в самом Ростове и на глазах истории делает эти предположения излишними, хотя несомненно, что само население Ростова после польско-литовского разоренья формировалось заново за счет переселенцев с юга. Известны крестьяне, носившие в XVIII-XIX вв. фамилию Щаповы в селе Угодичи, лежащем на другой стороне Ростовского озера, как об этом пишет историк села А. Артынов³⁵.

По свидетельствам документов XVII в. устанавливается родство посадского человека Богдана Масленникова, называемого также Богданом Щаповым, с его наследниками Киприяном Кондратьевым сыном и племянником последнего Никитой Терентьевым сыном, прежде

именовавшимися Масленниковыми, а в момент переписи 1670-х годов называвшимися уже Щаповыми. Богдан покупал лавки начиная с 1646 г., но уже в 1628 г. был взрослым и самостоятельным, так как «оброк платил по государевой грамоте» этого года³⁶. Он не был еще сокольим помытчиком, каковыми стали его потомки.

Есть основания считать Кондратия Щапова сыном Богдана Масленникова-Щапова. Род Кондратия был известен в Ростове – в Успенском соборе сохранились два синодика, составленных при царе Алексее Михайловиче и митрополите Ионе Сысоевиче, в которых выделен «Род Кондратия Щапова». Киприян, Терентий и Семен были сыновьями Кондратия. Поскольку все они в переписи 1691 г. сами не упоминаются, и можно думать, что их к этому времени в живых не было.

Семен Кондратьев сын Щапов упоминается косвенно только через принадлежавшую ему прежде посадскую землю. Похоже на то, что он не был сокольим помытчиком и потомства не оставил. О Терентии в документах сведений тоже нет. Судя по тому, что сыновья Терентия, бывшие сокольими помытчиками, не владели купчими и лавками, приобретенными их отцом, а Никита Тереньевич жил вместе со своим дядей Киприяном, Терентий умер довольно рано.

Значительный след оставил после себя Киприян Кондратьевич. Он владел лавками в сапожном и москательном рядах и лавкой вне рядов, двором и дворовым местом (то есть двумя дворами) в Покровской десятне, пахал в Биричевой пустоши, владел сенокосными пустошами. На его имя были написаны купчие в 1654 и 1656 гг. Вместе с другим сокольим помытчиком Антоном Кекиным Киприян писал в 1660 г. челобитную на голову (начальника) кружечного двора с товарищами о том, что они злоупотребляют своей должностью – продажей спиртных напитков. Эта «изветная челобитная» хранилась в Ростове в «Приказной избе государевых грамот» и была на особом учете³⁷.

У Кондратия была еще дочь, замужем за Латышевым. Ее сыну Степану Латышеву принадлежала купчая на лавку, которой владел дядя Киприян.

У Терентия было два сына – Никита и Федор. Никита Тереньевич был в 1691 г. сокольим помытчиком и владел 5/8 лавки в москательном и калачном ряду по купчей своего деда и там же половиной лавки по собственной купчей 1656 г. Два раза названные в переписной книге 1691 г. «Микиты Щаповы», из которых один – племянник Киприяна, оба – владельцы разных лавок в одном и том же ряду, оба принадлежавшие к сокольим помытчикам и купившие свои лавки в одном и том же 1656 г.³⁸, могут быть признаны одним лицом. Вероятно, он совершил свои купчие в возрасте не менее 25-ти лет, следовательно он родился не ранее 1630 г. Рядом с лавкой Киприяна Щапова имел «полторы скамьи» также Никита Щапов, которыми он владел по купчей 1669 г.³⁹ Относительно Федора Тереньевича сведений в писцовых книгах нет.

Сын Киприяна Сергей упоминается в 1691 г. как покойный: Дарья Щапова, вдова Сергея, владела лавкой по купчей Киприяна Щапова 1654 г., так что можно считать, что она была снохой последнего.

У кого-то из дочерей или внучек Богдана Масленникова-Щапова в 1691 г. был муж или сын Алексей Дьяконов, владевший землей по купчей предка своей жены или матери 1646 г. и не имевший звания сокольего помытчика⁴⁰.

Относительно компактная группа потомков Кондратия Щапова ограничивается этими именами, упоминаемыми в 1691 г. Кроме них по переписным книгам ростовского посада 1678 г. известны в Введенской десятне «во дворе Данилка, Микитка Микитины дети Щаповы»⁴¹.

Обращает на себя внимание обозначение имен соколых помытчиков – свободных и привилегированных жителей Ростова в писцовых книгах. Это всегда полные имена – Киприян, Микита, Степан, Алексей и др., но никогда уничижительные – Киприяшка, Микитка, Степашка и др., как, например, упоминавшиеся выше бобыль Гришка Иванов сын Масленников, или посадский человек Васька Григорьев, или «утячы помочники» «Демка Максимов сын Мелекин» с детьми⁴². Вероятно названные выше в Введенской десятне в 1678 г. «Данилка, Микитка Микитины дети Щаповы» действительно были лишь однофамильцами и не принадлежали к роду соколых помытчиков. Можно понять фамильную гордость историка своего рода Н.М. Щапова, который писал в 1927 г.: «Если можно гордиться предками, то я могу ими гордиться. Крепостное право, связавшее цепью барина и мужика, не наложило на моих предков своей печати. Как купцы, они не владели крепостными, но и помещики ими не владели. Торговое дело и охота в то время были, вероятно, занятиями самыми свободными от правительственного гнета»⁴³.

Следующая группа ростовских Щаповых известна по переписной книге второй ревизии 1749 г. Здесь в разделе «Города Ростова соколых помытчиков» представлено три семьи: Петр Васильев сын Щапов 26-ти лет с двумя сыновьями – четырех и одного года, Киприян Гаврилов сын Щапов 37-ми лет с сыном Иваном 20-ти лет и, наконец, Иван Никитин сын Щапов 74-х лет с сыновьями Дмитрием 34-х лет, Иваном 33-х лет и внуками: Василием (18ти лет), Семеном (8-ми лет) и Иваном (6-ти лет) от первого сына и Иваном (1 года) от второго⁴⁴.

Прямых указаний на связь этих поколений XVIII в. со знакомыми уже нам людьми XVII в. нет. Что касается двух первых семей – Петра Васильевича и Киприяна Гавриловича Щаповых, то ее установить и невозможно: все ее представители родились уже в XVIII в.

А вот Иван Никитич Щапов, родившийся в 1675 г., вполне может быть сыном Никиты Тереньевича. Тому, как было предположено выше, родившемуся не ранее 1630 г., в 1675 г. было около 40 лет и это вполне детородный возраст. Иван Никитич – соколий помытчик, поэтому он не может быть сыном другого Никиты Щапова, владельца полутора скамей по переписи 1691 г. Таким образом, косвенно устанавливается родство еще одной группы соколых помытчиков Щаповых, живших в середине XVIII в., состоящей из семи человек, с изученной группой XVII в.

В XVIII в. сословие соколых помытчиков продолжает существовать и пополняться. По сведениям переписи 1709 г., жители ростовского посада кузнецы Козма да Иван Павловы дети в 1706 г. «из воли записались в Преображенском в Ростов в соколы помытчики и двор свой свезли на сокольничью землю»⁴⁵. Значит, занятие поставщиков охотничьих птиц все еще было выгодным и престижным, и кузнецы ходатайствовали и получили разрешение в Москве, на царском дворе в Преображенском, на переход в это сословие и даже разобрали и перевезли свой двор в слободу, где жили их новые коллеги.

Продолжали существовать в начале XVIII в. в Ростове и Щаповы – рыболовы: по книге 1709 г. в Рыболовской десятне значится «во дворе Иван Григорьев сын Щапов, у него дети: Гарасим 35 лет, Иван 25 лет, скорбен черным недугом»⁴⁶.

Об Иване Никитиче Щапове (1675- ?) и его сыне Дмитрие Ивановиче (1715-?) никаких сведений, кроме указанных упоминаний и указаний на их сыновей, нет. Обращает на себя внимание соотношение возраста Дмитрия и его сына Василия: если верить числу лет каждого в переписной книге 1749 г., то Василий родился, когда его отцу было 16 лет!

О Василии Дмитриевиче (1731-1797) есть уже более подробная информация, сохранившаяся главным образом в семейном архиве его потомков.

Василий Дмитриевич был женат дважды. От первой жены, неизвестной по имени, он имел сына Василия (около 1751- ?), не оставившего потомства. От второй жены Марфы Дмитриевны сохранилась ее духовная 1810 г. в пользу ее сыновей Ивана Васильевича и Алексея Васильевича.

Василий Дмитриевич упоминается также в сохранившихся списках провинциальных купцов, торговавших книгами издания Императорской академии наук в 1787 г. Там значится и купец Василий Щапов в Ростове⁴⁷. Это упоминание любопытно для характеристики культурного уровня и ростовских Щаповых второй половины XVIII в., и круга их покупателей: книга является для них не только средством получения информации, но и предметом торговли и, следовательно, средством существования. Нужно учитывать, что ростовские Щаповы в XVIII-XIX вв. оставались старообрядцами, для которых книга была важнейшим средством самообразования⁴⁸.

О других внуках Ивана Никитича – Семене (1741- ?) и Иване (1743- ?) Дмитриевичах, так же как и о Иване Ивановиче (1748- ?) сведений не сохранилось.

От Ивана Васильевича (1758-1851) сохранилась купчая 1797 г. на дом в Ростове, хозяйственная книга с записью доходов и расходов 1827 г. и духовная 1841 г. Он был женат на Матрене Григорьевне и имел двух сыновей: Василия (1790-1864) и Ивана (1798-1862), каждый из которых был основателем новых линий Щаповых, и двух дочерей: Прасковью (1785-1895, замужем за Качалиным) и Александру (? -1855, замужем за Мягковым).

Алексей Васильевич Щапов также имел двух сыновей, Петра (около 1800 г.-?) и Александра (1795-1863). Сын первого, Петр Петрович Старший (1835-после 1888), также был родоначальником новой линии Щаповых.

В течение XIX в. ростовские Щаповы постепенно покидают город, переставший быть торговым центром, и расселяются по России.

Якорь: #prim

1. Ростов: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1884. (далее: Ростов 1884). С. 5-19.
2. Там же. С. 19-61.
3. Переписные книги Ростова Великого второй половины XVII в. / Изд. А.А. Титова. СПб., 1887. С. 1-92; 2-е изд.: РИБ. 1889. Т. 11. Прибавление (под ред. А.И. Тимофеева) (далее: РИБ). С. 1-92.
4. Дозорные и переписные книги древнего города Ростова / Изд. А.А. Титова. М., 1880 (далее: Титов 1880). С. 23-67.
5. Ростов 1884. С. 38-48.
6. Там же. С. 49-64.
7. АЮБ. СПб., 1884. Т. III. С. 411. За эту ссылку я благодарен И.М. Картавцову.
8. Титов А.А. Синодики XVII и XVIII вв. Ростовского Успенского собора. Ростов-Великий, 1903 (далее: Синодики). С. 15, 33, 45, 54, 8а.
9. До XVII в. известны носители прозвища или отчества Щаповы: слободчик

- Жалобинской слободки Ивашка Щапов на Уломском озере (АСЭИ. М., 1958. Т. II. С. 7475, № 122, между 1448-1470); «Федулка Костентинов сын Щапов» – выборный земский судья Устюжского уезда 1597 г. (Садиков П.А. Очерки истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 505-506); Коур Константинов сын Щапов, владелец поместья в Тульском уезде конца XVI в. (Писцовые книги Московского государства. СПб., 1877. Ч. 1, отд. II. С. 418); «вогульский толмач» Филип Дементьев Щапов в Верхотурских грамотах 1598-1610 гг. (РГБ. Ф. 255. Рум. архив, 47.17).
10. Тупиков Н.М. Словарь древнерусских собственных имен. СПб., 1903. С. 112, 452, 519, 849.
 11. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. IV. С. 651.
 12. Ростов 1884. С. 5. 13. Титов 1880. С. 37.
 14. Там же. С. 23-24.
 15. Вымол – высокое место.
 16. Там же. С. 46-47.
 17. Там же. С. 51, 53.
 18. Там же. С. 54.
 19. Там же. С. 59.
 20. Ростов 1884. С. 30.
 21. РИБ. С. 9, 12.
 22. Титов 1880. С. 60.
 23. Даль В.И. Указ. соч. Т. III. С. 276-277.
 24. Словарь русского языка XI-XVII вв. М., 1991. Вып. 17. С. 41.
 25. Ростов 1884. С. 30.
 26. Титов 1880. С. 5.
 27. Ростов 1884. С. 14.
 28. Щапов Н.М. Я верил в Россию. М., 1998. С. 12.
 29. Титов 1880. С. 5. Так же, коллективно, платили жители и других ростовских слобод. Так, рыболовы в том же 1619 г., поставляли на царские дворы соленую и свежую (мороженную подледную) рыбу: «с Рыболовские слободки просольные рыбы щуки по пяти тчанов (чанов – Я.Щ.) и по полутора ведра в год, а вотчине по 9 ведер, а коли рыбе лову нету, и оне платили деньгами за тчан по полутора рубля. Да с тое же слободки ловили поледную рыбу на государев обиход пять ночей, а шестую ночь на ростовского митрополита рыбных ловцов и с неводыма, и с подводами наимуючи» (Там же. С. 5).
 30. Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 17. С. 41.
 31. Изучаемый материал показывает, что уже в середине XVII в. в северо-восточной России существовало понятие «прозвище», аналогичное «фамилии» – как устойчивое

именное обозначение семейной общности, объединяющей родственников по нисходящей и боковой линиям и распространяющейся на отца, сына и племянника, следовательно, на всю семью. Современное слово «фамилия» латинского происхождения сменило в XVIII в. средневековое русское слово «прозвище» того же значения, которое сохранилось, однако, в украинском языке в форме «прізвище».

32. РИБ. С. 9, 12.
33. Там же. С. 9.
34. Щапов Н.М. Я верил в Россию. С. 12-13. Начало переписи 3 ноября 6200 г. позволяет относить ее к 1691 г. (6200 год начался с 1 сентября 1691 г.), а не к 1692 г.
35. Воспоминания крестьянина села Угодич Ярославской губернии Ростовского уезда Александра Артынова, с предисловием А.А. Титова // ЧОИДР. М., 1882. Кн. 1.
36. Титов 1880. С. 51, 53.
37. АЮБ. Т. III. С. 411.
38. Титов 1880. С. 23 и 24.
39. Там же. С. 54.
40. Там же. С. 53.
41. Ростов 1884. С. 25.
42. Там же. С. 17.
43. Щапов Н.М. Я верил в Россию. С. 17.
44. Ростов 1884. С. 63.
45. Там же. С. 45.
46. Там же. С. 40.
47. Мартынов И.Ф. Книга в русской провинции 1760-1790-х годов: Зарождение провинциальной книжной торговли // Книга в России до середины XIX в. Л., 1978. С. [122].
48. Щапов Я.Н. Книга у старообрядцев как феномен культуры // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Сб. науч. трудов. Новосибирск, 1992. С. 12-17.

